

И ПРАВДОПОДОБНЫМИ красками, плававшими под лучами яркого солнца, ослеплял яундский базар привередливых покупателей, толпившихся у лотков. Женщины-банту с бархатистой шоколадной кожей, в платьях со щедрой гаммой которых не осмелится соперничать ни одна радуга, на фоне салатов, бананов, апельсинов, гуайявов, ананасов, темно-красных орехов кола, ярко-красных стручков ошеломляюще горького перца пили-пили и других диковинок тропической флоры выглядели феями из волшебной сказки. Маленький пучок петрушки они вручали покупателю со столь покоряющей улыбкой, что тот уходил с ощущением человека, купившего по меньшей мере узконосую долбленку-пирог.

Близ одного из лотков я наблюдал за крестьянкой, с лица которой не сходила лукавая улыбка. Она то и дело перебрасывалась веселыми замечаниями с соседкой. Ее улыбка с коммерческой точки зрения была не совсем оправданной, так как вот уже минут двадцать никто даже не спрашивался о том, почему нынче салат, которым торговала эта крестьянка. Наконец пришла и ее очередь.

— Почему холера, сестра? — с серьезной миной на лице спросил долгожданный покупатель — молодой человек в синей традиционной рубашке с вышивкой и круглым вырезом на шее.

«Сестра», ничуть не оскорбившись вольным обращением с ее товаром, слегка хохотнула, прежде чем назвать цену.

Салат и холера?.. С легкой руки одного из комментаторов камерунского радио, участвующего в разъяснительной кампании по борьбе с холерой, салат был отнесен к злостным переносчикам этой болезни, а простой народ, не отказавшись от салата, стал именовать его холерой. Холера в Камеруне сделалась не столько предметом беспокойства и забот философов, воспринимающих жизнь африканцев, сколько объектом бесконечных шуток. Перед началом футбольного матча между местной сборной и национальной сборной Сенегала капитаны команд пожали друг другу руки. «Произошел обмен холерой», — комментировал один из зрителей. «Месье, — заметил сторож одной из яундских вилл Годфруа Манга на мой совет пить только кипяченую воду, — нам то же самое говорят и по радио. Но у нас нет ни водопровода, ни газовых плит для кипячения воды, вот почему

вещи, с вашей точки зрения серьезные, для нас превращаются в шутку. Что же нам делать, как не шутить?»

С ночным сторожем Мангой целиком согласен Лукас из шутилки рубрики-диалога «Жан-Пьер и Лукас» в камерунском еженедельнике «Эссор дежен». «Радио слишком много беспокоит нас с этой холерой, — говорит Лукас. — Нас умоляют не пить воду из ручья или болота, а употреблять только воду из фонтанов. Но у нас нет фонтанов, зато повсюду есть болота и ручьи. Радио советует кипятить воду. Когда мы трудимся весь день на плантации, нас мучит смертельная жажда. Что бы посоветовал этот мудрый сотрудник радио, если бы он был на нашем месте?» «Холерный» юмор в конечном счете в безобидной шутке-простушке приобретает социальный подтекст.

Добрую шутку в Африке любят, на нее никто не обижается, ее ценят. Представить себе африканца без юмора — это все равно, что «перепутать слона с антилопой» (поговорка бети). «Представление о счастье у бвани (мужчин вольтийского племени бобо. —

даже на похоронах столь же весело и бесшабашно, что и русские на крестинах. «Смерть у нас — радостное событие, — объяснил мне один интеллигент из этого племени. — Радость беспредельна и безоговорочна. С одной стороны, умерший покидает жизнь, в которой никогда не знал отдыха, соединяется с предками, которых мы любим и помним. С другой, мы радуемся тому, что среди нас жил такой достойный человек, как он, что свою доброту и честность он оставляет нам в наследство». «Ну а слезы все-таки бывают?» — поинтересовался я. «Конечно, жаль на время расставаться с ним, особенно родственникам. Человеческие чувства часто пересиливают, и появляются слезы. Но улыбок больше», — ответил он.

По вечерам в деревнях народности бафия (Камерун) у одной из хижин, подражая взрослым, усаживаются в кружок малыши, и начинается состязание самых остроумных и находчивых, африканский КВН.

— С какого дерева никогда не опадают листья? — быстро задает вопрос один мальчик.

И В ШУТКУ, И ВСЕРЬЕЗ

В. КОРОЧАНЦЕВ

В. К.) составляли четыре вещи — спорт, любовь, музыка и танцы», — писал о своих предках вольтийский литератор Нази Бони. Эти слова можно легко отнести ко многим другим народностям Африки. Даже суровые условия жизни, нищета, болезни, унижения не могут подавить юмора и жизнелюбия африканского характера. Агни-ашанти, живущие в Республике Берег Слоновой Кости в районе Буаке-Абиджан пляшут

— С авокадо!
— Нет.
— С коросоли!
— Нет...

Неудачные ответы комментируются взрывами смеха.

— Пальма, — находится один из мальцов. (Листья пальмы не опадают, даже засохнув. Их обычно обрубает острым machete.)

Конкурсы остроумия среди взрослых мужчин ведутся издавна. Острия-победителю предо-

ставлялось, например, право вы-
бирать себе в жены первую кра-
савицу племени. Старые традиции
живы и сегодня. По вечерам в
какой-нибудь глухой деревеньке
Эбонг или Нкомету, примостив-
шись в хижине-собрании, хрупком
сооружении из соломы и тростни-
ка, мужчины внимательно выслу-
шают единственного на всю де-
ревню транзистор, а затем обсу-
дят текущие мировые проблемы.
Об одной беседе рассказывает
упомянутый Лукас.

«На днях вечером в деревне
Кунга беседовали меж собой ста-
рики. «Э... э... — посетовал один
из молодых, — эти белые собира-
ются нас убить новыми болезня-
ми. Разве эту холеру знали рань-
ше». Укоризненно взглянул на
жалобщика мудрый старик Квайеб
и запротестовал: «Что ты гово-
ришь? Какое право ты имеешь на
такое мнение? Разве ты ел, как
мы, старики, змеиное мясо? Разве
советовался ты, как мы, с шим-
панзе? Плохо же вы, молодые,
изучаете наши обычаи, если ду-
маете, что до прихода белых у
нас не было ничего своего, серь-
езного. Враки все! До белых у
нас была своя, местная холера, и
называлась она «чупу». До сих
пор — разве вы забыли? — если
кто хочет пожелать зла кому-ни-
будь, то говорит: «Чупу тебя за-
бери!». Когда приходила чупу,
народ Кунга запер все входы в
деревню, чтобы помешать разнос-
чикам чупу распространять зара-
зу. Знахари-колдуны давали ле-
карства селянам и запрещали им
есть овощи. Нам говорят, что мы
были дикарями. Дикари, но не
настолько, чтобы не знать о хо-
лере».

В каждой шутке есть своя соль,
и мудрейшим признается не шут-
ник ради шутки, а тот, чей юмор
наиболее едок и осмыслен.

Африканца легко обезоружить
шуткой. К веселому, неумному
характеру африканцев подделы-
вается даже католическая цер-
ковь. На площади Нджомелен
(«аллея пальм»), находящейся в
одном из народных кварталов
Яунде, по большим праздникам и
воскресеньям под открытым не-
бом происходит церковная служ-
ба. Ведет ее священник Пи Клод
Нгуму и его знаменитый хор, за-
воевавший первый приз среди хо-
ров на Дакарском фестивале не-
ро-африканского искусства. На
эту исключительно оригинальную
службу приходят и приезжают из
отдаленных деревень. Здесь всег-
да много иностранных туристов,
орудующих кинокамерами и фо-
тоаппаратами. 11 апреля 1971 года

на маленькой площади — был день
католической пасхи — собралось
около трех тысяч человек. Проповедь
велась в виде свободной
беседы с прихожанами.

— Иисуса Христа распяли, ему
было очень больно. Он так стра-
дал... — стараясь быть макси-
мально понятным, обращается к
толпе Нгуму.

— Ииии, — горестно отзывается
толпа молящихся. Женские тонко-
голосые вопли перекрывают муж-
ские басы и звучат столь долго,
что мужчины начинают удовлетво-
ренно перемигиваться и пере-
смеиваться.

— Но не тут-то было! — вдохно-
венно восклицает священник. —
Христос воскрес, ожив.

— Ха-ха-хааааа, — раздается об-
щий одобрительный смех.

Затем начинаются песнопения.
Они ведутся под мвет, балафон
и другие народные инструменты.
Хор, отдавая ритму и забывая
о тексте псалма, гармонично рас-
качивается. Ему в тон подпевает
приход. С каждым псалмом ритм
пения убыстряется, и наконец тол-
па пляшет. В некоторые моменты
пляска напоминает обыкновенный
твист. Весело, задорно и очень
вольно. Даже самый печальный
псалом поется певчими в красно-
белых мантиях с веселыми улыб-
ками на лицах.

«Стоит ли вводить в католиче-
скую литургию элементы языче-
ских обрядов?» — задавал вопрос
в газете «Эффор камерунэ» один
священник. Отвечал он положи-
тельно: веселость и неумность
африканской природы требуют
жертв со стороны католической
церкви. «Но не много ли мы
жертвуем, идя навстречу язычни-
кам? Некоторые наши священники
незаметно для себя в ходе экспе-
риментов превращаются в настоя-
щих жрецов-фетишистов», — се-
товал другой, «резво мыслящий»,
африканский епископ.

«Юмор — одна из наиболее ха-
рактерных черт нашей народной
литературы», — объясняет в журна-
ле «Озила» его истоки и значение
в камерунской литературе извест-
ный писатель и поэт Рене Фи-
ломб. — Он может стать действи-
тельным оружием, способным вести
бой с человеческой глупостью с
помощью улыбки. Настоящий
юмор вызывает не только смех,
но и пробуждает сознание». Да,
юмор африканской литературы
беспоощаден, ибо его цель — «про-
буждение сознания». Много пре-
мий получил за свои комедии
один из моих любимых авторов
камерунца Гийом Ойно. В янва-

ре 1970 года он стал первым лау-
реатом государственной премии
президента Камеруна Амаду Ахи-
джо, полученной за комедию «Три
претендента, один муж». Архаич-
ные обычаи и традиции, глупых и
чванливых чиновников, жадных
коммерсантов едко высмеивает
писатель.

— Каким образом вы воспитали
в себе столь острое чувство юмо-
ра? — спросил я его однажды.

— Очень просто. Я ведь каме-
рунец, африканец, — заметил он.

В его комедии «Наша дочь не
выйдет замуж» Шарлотта, дочь
Мбарги, вождя деревни Мвутеси,
закончила колледж в Яунде и ра-
ботает секретаршей в одном из
министерств. Однако вся деревня
с чисто сельской наивностью счи-
тает, что Шарлотта «руководит
всеми в Яунде» и «гребет бешен-
ные деньги». Односельчане, живу-
щие по старым законам тради-
ционной солидарности, которая в
наши дни перерождается в от-
кровенный паразитизм, противятся
замужеству Шарлотты, полагая,
что теперь всю свою зарплату она
должна отдавать Мвутеси. «Ты
хочешь выйти замуж до того, как
мы попользуемся плодами твоего
труда? Не пойдет!» — заявляет ее
дядя Мека-Ме-Кунда. В пьесе су-
рово, силой смеха обличаются
отжившие, но до сих пор суще-
ствующие нравы, сложившиеся ве-
ками косное отношение к женщи-
не, клеймится то «новое», что тор-
мозит движение Африки вперед
и делает ее жизнь нелепой. Сле-
дующий диалог — наглядное тому
свидетельство.

В гости к старому Мбарге, толь-
ко что купившему восьмую жену,
15-летнюю Дельфину, приезжает
племянник Мевунг, студент выс-
шей административной школы, ко-
торая готовит руководящих работ-
ников.

«Мбарга. Дельфина! Дельфи-
на! Иди сюда, поприветствуй мое-
го сына Мевунга! (Все молодые
отпрыски в африканской деревне
считаются сыновьями и дочерьми
старших по возрасту. Отсюда вы-
текают обязанности молодых пер-
ед всей деревней. — В. К.).

Дельфина (в дверях, робко
и напуганно). Где он?

Мбарга (с удивлением). Что
за глупый вопрос с твоей сторо-
ны, жена моя? Разве ищут слона,
разлегшегося на лужайке? Разве
ты не видишь здесь великого че-
ловека в костюме префекта из
дорогой ткани? Вот он, в кресле.

Мевунг (встает ей навстречу,
как полагается человеку, не при-
выкшему ставить других в нелов-
кое положение). Иди же и обними

меня, о жена отца моего! (Долго и крепко обнимает.) А... а... а... (С сожалением оставляет ее.) Если кто на свете умеет выбирать жен, так это мой папа!

(Мбарга торжествующе смеется.)

Мевунг. Но ты хорошо подумал, когда женился?

Мбарга. Конечно. Любители выпить пальмовое вино, навещающие меня, часто говорят: «Эх, Мбарга, у тебя восемь жен и тридцать детей. Как ты прокормишь их?» «Убирайтесь с вашими советами, — отвечаю им я. — Мой сын Мевунг, то есть ты, и их кузина Шарлотта пошлют их учиться в страну белых». А вообще нам, полигамам, тяжело. Третьего дня на рынке в Авае я так и не смог ничего купить себе, потому что каждой из твоих восьми матерей нужно было новогоднее платье. Ну, а ты, мой сын Мевунг, женился?

Мевунг. Нет еще, почтенный Мбарга.

Мбарга. Как так?!!

Абессо-Занг (племянник Мбарги). Не может быть! Ведь лишь бедняки вроде меня, питающиеся листьями маниоки, остаются холостяками, поскольку у них нет денег, чтобы купить жену. Но как ты, о мой важный кузен, можешь спать в холодной постели?

Мевунг. Как бы тебе лучше это объяснить, мой кузен? Достойных девушек не так уж и много в наши дни.

Нкатефое (дядя). Возможно, мой сын ищет девушку, которая получила диплом в большой школе в Яунде или Дуале?

Мевунг. Это только отчасти, дядя. Мне нужна супруга, которая могла бы заниматься гостями во время официальных приемов. Только очень трудно жениться, когда учишься в административной школе, как я. Все девушки, с которыми я встречаюсь, уверяют, что влюблены в меня без памяти. Когда же я на секунду отворачиваюсь от них, они то же самое повторяют моим друзьям.

Мбарга. И правильно поступают эти девушки. Разве не долг всякой девушки, заботящейся о благе своей семьи, сделать все возможное, чтобы выйти замуж за великого человека, тем более, что сама она не слишком много училась?

Мевунг. Мне, отец, нужна современная, образованная жена, которая умела бы подать аперитив гостям, обсудить с ними то, что происходит в стране белых. Одним словом, такая, которая обладает тем, что по-французски

зывается «культурой». Но когда я встречаю такую девушку, ее родители отказываются выдать дочь за меня замуж под предлогом, что она должна работать ради их обогащения.

Мбарга (поперхнувшись). И они правы, эти родители!

Заканчивается сцена тем, что Мевунг дарит Маталине, своей тетке по матери, две тысячи франков.

«Маталина (немедленно поднимая крик). О вы, завистливые жители этой деревни! Идите и

смотрите. И вы умрете от зависти. Смотрите, что дал своей бедной тетке ее племянник. Такое случается только с самыми достойными женщинами Мвутеси!

Абессо-Занг (возвращаясь в комнату и не разобравшись). Я требую своей доли денег, которые распределяют в этом доме. Дайте мне мою долю!

Мбарга (сурово). Кто сказал тебе, сын мой, что в этом доме делят деньги? Ты ведешь себя, как мальчишка, а еще собираешься жениться и иметь детей. Ты

В Нигерии, как и повсюду, любят шутку.
Фото А. Стужина (ТАСС)

словно тот, кто находит людей своей деревни оплакивающими одного из его братьев и, прежде чем узнать, от чего умер брат, заявляет всем: «Пусть отдадут мне всех его вдов».

До слез смеются зрители, когда эту сцену исполняют Даниэль Ндо, Женеви́ев Куо и другие здешние актеры. Все им тут понятно, поскольку это их вчерашний и... сегодняшний день.

В мае вышла в свет книга писателя из Народной Республики Конго Анри Лопеса «Остатки трайболизма». С огромной силой писатель высмеивает, бичует пережитки в сознании африканцев, мешающие им жить сегодня. В новелле «Господин депутат» Лопес показывает парламентария Нгуаку-Нгуаку на трибуне Национального собрания и дома, создавая законченный образ «прогрессивного деятеля» на словах и закланного консерватора на деле. Над образом Нгуаку-Нгуаку нельзя не смеяться, но нельзя и не задуматься хотя бы во имя лучшего будущего Африки.

Африканская литература следует жизни: она ставит острые проблемы, весело улыбаясь читателю.

Получая 20 апреля 1971 года первый приз африканского театрального конкурса за пьесу «Ассимилированные», мой друг Жан-Батист Обама пошутил: «Я и раньше знал, что я великий драматург, но меня никто не признавал. Сам же я достаточно скромно, чтобы не хвалить себя, поскольку, как говорит пословица бети, какая свинья скажет про себя: «Я жирная?»

Шутят и над вождями. «Вождь, как пирога, которая плывет в ту сторону, куда ее толкают», «У хорошего вождя страна не зарастает травой», — говорят жители Мадагаскара о несамостоятельных и неспособных правителях. О неискренних и неумелых людях в Камеруне отзываются так: «Быстр, как черепаха, откровенен, как хамелеон», а в Верхней Вольте: «Ослиные уши надолго не спрячешь». Президент США Никсон, как известно, не раз обещал в своих выступлениях покончить с войной во Вьетнаме. По поводу этих обещаний один интеллигент, бети по национальности, метко заметил: «Бревно, брошенное в реку, все равно не станет крокодилом», — гласит наша пословица. Никсон побросал уже много бревен, но крокодилом ни одно из них не стало.

Африканский юмор выражается в бесконечных прозвищах. Улич-

ную молву, сплетни, новости, которые «приносят на хвосте сороки», в Мали называют сообщениями «радио папая» (папая — дынное дерево). С невысокой папайи многого не увидишь и не услышишь. В Камеруне это — «радио тротуара». В одном малийском городе я услышал, как зрители называли одного вратаря Яшиным. «Откуда такое прозвище? Здорово стоит на воротах?» — любопытствовал я. «Нет, просто у него высокий рост, как у вашего знаменитого голкипера, а стоит он неважно: в этом вы сейчас и убедитесь». Одного вольтийского футболиста прозвали Гагариным за отличный прыжок.

«Чу, откуда несутся эти звуки. Ююю! Ююю! Ююу-ха! Ха-ха-ха! Звуки, буравящие воздух? Этот шум-гам? Эти крикливые, залихватистые голоса? Где-то неподалеку паясничает гриот, и люди смеются его шуткам во все горло. Анекдоты и шутки текут рекой...» — описывает одну из типичных деревенских сцен Нази Бони в романе «На закате старых времен». Гриот рассказывает забавный анекдот «Муж уехал на курорт, жена осталась дома» о женской хитрости, вероломстве и неверности. В варианте вольтийских бобо или камерунского племени дуала анекдот звучит примерно так: «Муж намазал стрелы ядом, перекинул через одно плечо колчан, через другое — сумку, сплетенную из побегов рафии, в которой запасены средства против змеиных укусов, чудодейственные амулеты, кожи жаб и лягушек-древесниц, экскременты некоторых животных, обладающие многочисленными полезными мистическими свойствами, и отправился на охоту в саванну, а жена осталась в хижине под кокосовыми пальмами происходит то же, что и на Дерибасовской или на Елисейских полях. Мужчины по ходу анекдота осуждающе цокают языками — многие из них ведь ходят на охоту и на рыбную ловлю, а затем раздражаются смехом. «Ююю! Ююу-ха! Ха-ха-ха-ха!» Чувство юмора перебивает обиду за мужскую половину человечества.

В Африке смеются надо всем, в том числе и над лицемерной «помощью» бывших колонизаторов, ныне неоконизаторов. («Петти блан» («маленький белый») это выражение стало крылатым на всем континенте. Так в Камеруне и других странах зовут специалистов из Западной Европы и

США, которые приезжают в Африку по линии так называемого технического сотрудничества. Эти люди отнимают места у африканцев. Им платят минимум в пять раз больше, чем африканцу на той же должности. В одной из своих социально-экономических статей сенегалец Жан-Пьер Ндиай писал, что в Африке благодаря «усердной грабительской помощи» капиталистического мира «идет процесс развития слаборазвитости». Конечно, это тоже шутка, но шутка серьезная.

По мере укрепления независимости молодых африканских стран появляются новые проблемы, новые идеалы и стремления. Африканская шутка становится едче и социальнее. В одной африканской стране булочник-европеец решил отпраздновать юбилей своего предприятия и, чтобы поднять его марку, выпустил календарь-рекламу, в котором подчеркивалось, что одних только пирожных было выпущено столько-то миллионов штук, то есть больше, чем население Камеруна, Габона и Экваториальной Гвинеи, вместе взятых. Вывод был поистине грандиозным: «Кто только в этой стране не едал моей вкуснятинки!». «Их не ели мои соотечественники, которым не на что покупать булки, — пошутил мой тамошний коллега. — Пока африканцам по большей части известен лишь вкус статистических пирожных, тайна которого пока еще до конца не раскрыта человечеством. К сожалению, нам слишком часто подсовывают статистические сладости и блага...»

Есть показатель, по которому Африка занимает первое место согласно всем справочникам мира: в ней больше, чем где-либо еще на земле, королей, султанов, вождей. Даже сельский вождь по-французски нередко называет себя «руа» — «король» и требует обращения «ваше величество». Однако юмор не обходит королей и их отпрысков. Однажды в Гаруа (Северный Камерун) я познакомился с принцем, братом султана бамунов в Фумбане. Чтобы для первого знакомства сделать ему приятное, я обратился к нему: «Ваше величество». Принц, который был слегка подвыпивши, расплылся в добродушной, милостивой улыбке, потом дружески похлопал меня по плечу и предупредил: «Только при посторонних обращайтесь ко мне проще: «Ваше высочество».

Не обошел юмор и президентов. Глава одного из государств Западной Африки, зависимость

РЕФОРМА ТОРГОВЛИ НА ЗАНЗИБАРЕ

С 1 июля 1971 года в островной части Танзании согласно правительственной программе, направленной на полную ликвидацию частного сектора в торговле, закрыты все частные магазины и предприятия сферы обслуживания. Отныне вся розничная торговля на островах Занзибар и Пемба ведется государственными и кооперативными магазинами, где товары продаются по твердым государственным ценам.

С тем чтобы обеспечить безболезненный переход к снабжению населения на кооперативной основе, в городе Занзибар открыты десятки кооперативных магазинов, которые успешно осуществляют торговлю продуктами питания и товарами широкого потребления.

СТО МАЛЕНЬКИХ КОСИЧЕК

Сто маленьких косичек — такую прическу уже многие века носят девушки из африканского племени фулани (Камерун). В последнее время мода на маленькие косички пришла в парикмахерские Парижа и Лондона. К счастью, здесь их плетут заранее из натуральных или искусственных волос и только прикалывают к прическе. Иначе пришлось бы модницам просиживать в парикмахерском кресле часами.

САМАЯ ДРЕВНЯЯ МУМИЯ

Египетские археологи обнаружили самую древнюю из всех известных до настоящего времени мумий. Ей 4500 лет.

СПАСАЙТЕСЬ НА ДЕРЕВЬЯХ!

В национальном парке-заповеднике ЮАР возле деревьев можно иногда увидеть лестницу. Объявления администрации поясняют: «Если на вас нападет носорог, взберитесь на 2,5 метра от земли. При нападении слона рекомендуется подняться самое меньшее на высоту в 4,5 метра».

● В одном из селений Западной Кении скончался 150-летний Каре Овур, бывший вождь племени луо, который считался самым старым жителем Африки. Овур имел 150 детей и внуков.

которого от неокOLONиальных кругов бывшей метрополии стала притчей во языцех, в один прекрасный день произвел себя в генерала, причем авиационного. Правда, из скромности он сделал себя генералом запаса. Авиация этого маленького государства, откровенно говоря, мизерна, зато «генерал от авиации» звучит весьма гордо. Пикантность события быстро уловили подданные, поняли и засыпали президентский дворец поздравительными пись-

мами, начинавшимися с обращения «мон женераль». Во дворце зачастили делегации. Последнюю делегацию разгневанный шутками президент выгнал. Был издан срочный приказ, крепко-накрепко запретивший в мирное время обращаться к президенту «мон женераль». Может быть, для того, чтобы подкрепить силу указа, он пригласил зарубежного тренера по боксу и после нескольких занятий сфотографировался для прессы в боевой стойке. «Наш

президент, — поведал мне один из подданных этой страны, — самый веселый глава государства в Африке, жаль только, что он сам того не понимает».

В другом очень молодом государстве во время подготовки к первому в истории официальному рауту возник вопрос: «Могут ли министры привести на прием своих любовниц?» «В наших краях, — доказывали «левые», — издавна бытует полигамия. Так почему же наши любовницы должны страдать?» «Правые» предложили проконсультироваться с европейскими специалистами по протокольному этикету. Ответ был единодушным: ни разрешающих, ни запрещающих положений по упомянутому конкретному случаю в руководствах нет, хотя в некоторых французских инкунабулах сообщается, что французские короли нередко публично гуляли со своими незаконными подругами, презирая общепринятые нормы морали. Казалось бы, препятствия к приглашению были сняты (тем более, что французские короли...), но вдруг послышался робкий вопрос: «А что скажут по этому поводу наши жены?» Все облегченно рассмеялись, и на прием пришли только мужчины.

Конечно, это был курьез в духе веселого характера африканцев. Обсуждался вопрос, к которому на деле никто не относился серьезно.

Юмор побеждает многое. Он — опасный враг порочных и продажных сил, друг всего честного и искреннего, ибо его понимают все разумные и добрые люди.

Директор института психиатрии в Сан-Пауло профессор Пачеко э Сильва всерьез интересуется проблемой смеха. Недавно он пришел к выводу, что и белые, и черные смеются одинаково, хотя есть один нюанс: у народов черной расы смех эмоционально богаче, разнообразнее. «Радостные эмоции проявляются у черных в более буйной, безудержной, в более шумной манере, чем у белых, — пишет бразильский ученый. — Они сопровождаются искренним смехом, даже взрывами смеха, при которых словно в конвульсиях сотрясается все тело, а также энергичной и обильной жестикуляцией». Трудно и, может быть, бессмысленно спорить с профессором, кто смеется эмоциональней, заразительней и искренней — белые или черные, желтые или красные, но одно совершенно бесспорно: африканцы умеют веселиться, знают, над чем стоит смеяться.

*На перехват колонны противника
(фото сверху).*

Фото ВИА — ТАСС

*И снова в бой (фото сверху
справа).*

Фото ВИА — ТАСС

*Жители деревни Т. организовали
у себя производство самодельных
мин. Для их «начинки» патриоты
используют боеприпасы, захвачен-
ные у американо-сайгонских войск,
или неразорвавшиеся авиабомбы
и снаряды (фото внизу слева).*

Фото ВИА — ТАСС

*На огневой позиции (фото справа
внизу).*

Фото В. Соболева

ВЬЕТНАМ СРАЖАЕТСЯ